

А. В. Чайкина*

Применение судами постановлений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека по одному делу

Аннотация. В статье рассматривается проблема применения судами Российской Федерации постановлений Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека по одному и тому же гражданскому делу. Проблема вызвана неопределенностью иерархии этих источников права с точки зрения норм международного и национального права. Вопрос неисполнения постановлений ЕСПЧ рассмотрен с точки зрения положений Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Проанализирована зарубежная практика по вопросу исполнения постановлений ЕСПЧ. В частности, автор анализирует практику Соединенного Королевства и ФРГ, столкнувшихся с противоречием основополагающих норм государства постановлениям ЕСПЧ. Выявлены механизмы, позволяющие сбалансировать правовые позиции указанных судов. В качестве одного из возможных средств устранения противоречий между КС РФ и ЕСПЧ автор предлагает рассматривать Протокол № 16 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Процедура консультативных заключений, с точки зрения автора, может позволить согласовать правовые позиции ЕСПЧ и национальную практику применения Римской конвенции до стадии подачи жалобы российских граждан в ЕСПЧ.

Ключевые слова: источники процессуального права, гражданский процесс, правовая позиция КС РФ, постановление ЕСПЧ, иерархия источников права, судебная практика, Римская конвенция, протокол к Римской Конвенции, консультативные заключения, исполнение постановлений ЕСПЧ.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.100.3.125-133

Рассматривая национальный взгляд на соотношение норм международного и внутреннего права в Российской Федерации, следует оговориться, что позитивное право не дает однозначного ответа о приоритете одного перед другим. Неопределенность обнаруживается в Конституции РФ и только усиливается по мере изучения актов меньшей юридической силы. Так, ст. 15 Конституции РФ содержит две

части, позволяющие сделать противоположные выводы. Часть 1 указанной статьи определяет Конституцию как акт высшей юридической силы и указывает, что «законы и иные нормативные акты, принимаемые в Российской Федерации», не должны ей противоречить. Согласно ч. 4 в случае противоречия между законом и международным договором применяются правила международного договора. Положение ч. 4

© Чайкина А. В., 2019

* Чайкина Алена Васильевна, аспирант кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
alena@chaykina.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

о том, что международные договоры являются составной частью правовой системы РФ, позволяет говорить о близости к монистической модели восприятия международного права.

Как и в Германии, положение Конституции и Римской конвенции остается нерешенным по крайней мере на уровне закона. Однако при этом Конституционный Суд Германии исходит из концепции гармонизированного толкования и, если исключается нарушение прав заинтересованных третьих лиц, приводит собственные правовые позиции в соответствии с постановлениями ЕСПЧ, фактически изменяя понимание Основного Закона. Конституционный Суд РФ в постановлении от 06.12.2013 № 27-П, утверждая, что Конституция РФ обладает в правовой системе РФ высшей юридической силой по отношению к любым правовым актам, действующим на территории Российской Федерации, определил, что, если законоположения, применение которых нарушает Конвенцию, будут признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд РФ «в рамках своей компетенции определяет возможные конституционные способы реализации постановления Европейского Суда по правам человека». На практике это приводит к избирательному исполнению постановлений ЕСПЧ. Более того, само существование такого правила является примером нарушения международных обязательств, поскольку представляет собой отказ от

исполнения положения Конвенции со ссылкой на положения внутреннего права, что противоречит ст. 27 Венской конвенции 1969 г. До этого постановления КС РФ ограничивался общей формулировкой, не шире и не уже данной в Конституции РФ, декларируя «приоритет международных договоров РФ в ее правовой системе», но не поясняя, приоритет над какими актами¹.

ЕСПЧ выступает организацией, которая аккумулирует в себе законодательный опыт государств Совета Европы, а зачастую и превосходит этот опыт. Потому Европейский Суд может предложить практику, с одной стороны, унифицирующую представления о гарантиях определенного права человека, с другой стороны, меняющую практику и/или нормы конкретного государства. Отечественное понимание принципа субсидиарности работы ЕСПЧ — что особенно подчеркнуто последним протоколом, ратифицированным РФ² — и практика КС РФ позволяют говорить, что взятый ранее курс на безоговорочное принятие решений ЕСПЧ изменился. По вопросам, касающимся изменений конституции или законов, которые касаются суверенитета государства, там, где сталкиваются общественный и государственный интересы, ЕСПЧ нередко рекомендует государству занять позицию согласования, однако Россия уполномочила КС РФ определять совместимость решения с Конституцией РФ³. Возможны две ситуации. Первая — сам текст Конституции РФ

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П по делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 392 ГПК РФ // СПС «КонсультантПлюс».

² Протокол № 15 (Федеральный закон № 79-ФЗ «О ратификации Протокола № 15, вносящего изменения в Конвенцию о защите прав человека и основных свобод» вступил в силу 12 мая 2017 г.) включил в преамбулу Конвенции особое указание на принцип субсидиарности, согласно которому государства — члены Конвенции обязаны самостоятельно обеспечивать права и свободы, гарантированные Конвенцией и Протоколами к ней, пользуются при этом свободой усмотрения, надзор в отношении реализации которой осуществляется ЕСПЧ. Примечательно, что пояснительная записка к ратификации Протокола № 15 содержит однобокое, на наш взгляд, понимание «субсидиарности» — как широкого усмотрения по вопросу применения/неприменения решений. Именно по поводу такого понимания ЕСПЧ выражал опасения — как угрожающего эффективной реализации задач Суда. Суд также упоминал, что «субсидиарность» означает помощь государству в случае, если оно не решает проблему нарушения прав человека самостоятельно, на что верно указал судья ЕСПЧ в отставке А. И. Ковлер. См.: *Ковлер А. И.* Государственный суверенитет и «суверенитет прав человека» // Труды Института государства и прав РАН. 2016. № 2. С. 86—87.

³ Введенный поправками от 14.12.2015 (№ 7-ФКЗ) п. 3.2 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» позволяет КС РФ «...разрешать

напрямую противоречит принятому ЕСПЧ решению. Вторая — не сама формулировка текста нормы Конституции РФ не позволяет исполнить решение ЕСПЧ, а ее интерпретация. При этом заметим, что толкование нормы может быть как буквальным, так и расширительным — в практике КС РФ широко встречаются оба случая. Соответственно, даже норму Конституции РФ, которой противоречит решение ЕСПЧ, возможно с ним сбалансировать, придав ей определенное толкование. Сейчас КС РФ выражает общую позицию страны по вопросу исполнения постановлений ЕСПЧ, вне зависимости от того, что: а) любой государственный орган положительно относится к приоритету собственных решений; б) носители прав могут быть не информированы о происходящем в конкретном деле выборе, поиске баланса между интересами государства и его граждан⁴.

В работах, посвященных категории государственного суверенитета, отмечается, что понимание суверенитета как «верховного и независимого от какой-либо власти права и возможности осуществлять внутреннюю и внешнюю политику» теряет актуальность. Относительно суверенитета на международном уровне большая часть исследователей сходится в том, что наличие общепризнанных принципов международного права, механизмов привлечения к ответственности государств само по себе означает добровольное ограничение суверенитета и отказ от вестфальской модели мира⁵. Обращаясь к проблеме с точки зрения международного права, нельзя обойти вниманием позицию, обоснованную ЕСПЧ в деле «Анчугов и Гладков против Российской Федера-

ции»⁶. Власти РФ указывали в качестве одного из аргументов, что ограничение права заключенных голосовать выражено в норме Конституции РФ, которая имеет приоритет над нормами внутреннего права и положениями международного права (п. 48). Напротив, заявители по делу ссылались на ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. ЕСПЧ счел, что требование ст. 1 Конвенции «не делает каких-либо различий по типу правовых норм и не исключает какую-либо часть государственной юрисдикции из-под проверки на соответствие положениям Конвенции» (п. 50). Помимо ссылки на ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров, Суд указывает на представленный Комиссией международного права ООН текст проекта положений об ответственности государств за противоправные действия, признанные таковыми международным сообществом (в оригинале — Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts). Согласно положениям данного акта, государство не может основывать уклонение от обязательств, установленных в соответствии с международными договорами, на положениях внутреннего права, в том числе на собственной конституции. При этом «внутреннее право» понимается как все нормы внутреннего правопорядка: писанные, неписанные, выраженные в форме конституционных или законодательных норм, актов исполнительной власти и судебных решений. ЕСПЧ обращает внимание и на решение Комитета по правам человека ООН, который в аналогичной жалобе против России согласился с позицией Суда по делу «Хёрст против Великобритании» еще в 2006 г.

вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека». Интересно, что фактически это полномочие было обосновано самим же Конституционным Судом при разрешении конкретного дела (Постановление КС РФ № 27-П от 06.12.2013).

⁴ Несмотря на то что конституционные суды рассматриваются там, где они существуют, как государственные органы особого рода, появившиеся в период так называемого нового конституционализма и существующие в том числе в противовес злоупотреблениям законодательной власти. См., например: *Stone-Sweet A. Governing with Judges: Constitutional Politics in Europe*. Oxford University Press, 2002. Pp. 31—32.

⁵ См., например: *Пастухова Н. Б.* Суверенитет и федеративная организация Российского государства в условиях глобализации: конституционно-правовые аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 305—327; *Кузьмин Э. Л.* О государственном суверенитете в современном мире // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации», жалобы № 11157/04, 15162/05 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 13.02.2018).

Подобное «заручение поддержкой» международных договоров, получивших большее территориальное распространение, органов, имеющих юрисдикцию в отношении стран — участниц Конвенции, призвано показать законность и последовательность выводов Европейского Суда. Приводя положение ст. 19 Конвенции и оговаривая отсутствие у Суда задачи рассмотрения на соответствие Конвенции законодательства абстрактно от жалобы, Суд находит собственной задачей в деле определить влияние конкретной правовой нормы на права заявителей. В заключение Суд напоминает, что государства подчинены результативной обязанности. Единственным существенным критерием для Комитета Министров является условие непротиворечия выводам, содержащимся в постановлении Европейского Суда (Scozzari et Giunta, п. 249⁷). Власти могут выбирать пути выполнения требований Конвенции и решать, вследствие ли некоего политического процесса или толкования Конституции РФ компетентным органом — Конституционным Судом РФ — может быть достигнуто единообразие между ними во избежание конфликта. Следовательно, Европейский Суд предлагает Конституционному Суду России толковать ст. 32 Конституции РФ через призму собственного решения, недвусмысленно обозначая его приоритет.

Изначальные нормы Конвенции и Конституции РФ входят в противоречие намного реже, поскольку и те и другие сформулированы общо и ориентированы на общепризнанные принципы международного права, лежащие в плоскости естественного, а не позитивного права⁸. Правовые позиции Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ, оказывающие влияние на содержание норм о правах и свободах человека в масштабе государства или надгосударственного образования, могут конфликтовать чаще, поскольку подвержены влиянию тенденций времени, менталитета, политических задач.

Исходя из разного порядка соподчинения, предлагаемого международным правом и правом России на нынешнем этапе, Конституция РФ и Римская конвенция не могут быть приведены в единый иерархический ряд. Неизвестно, получит ли когда-нибудь эта проблема единогласное разрешение. Для нужд практики важным является другой вопрос — по какому принципу соотносить предписания двух судов, являющиеся, согласно мнению большинства авторов современного периода, источниками права.

Подобная неопределенность создает проблему правоприменения для ключевых в процессе исполнения решений Европейского Суда органов — национальных судов. В соответствии с ГПК РФ Судебная коллегия Верховного Суда РФ может пересмотреть по новым обстоятельствам собственное постановление, вынесенное по результатам кассационной проверки. Правовая позиция по пересмотру конкретного дела в дальнейшем может быть закреплена в постановлении Пленума ВС РФ. Таким образом, исправление нарушающей Конвенцию практики возможно и без инициирования законодательного процесса, который, впрочем, также может быть начат по инициативе высших судов России в пределах их ведения.

Европейский Суд не диктует конкретных мер, которые необходимо принять государству, — он ограничивает полномочия органов власти тем, что конкретное право должно существовать, а любое лишение права быть доказано необходимым. В этом отношении назвать Суд непогрешимым было бы ошибочно: его практика знает случаи, когда в ординарном порядке рассмотрения жалобы Суд дает оценку законодательству. Первое постановление по делу К. Маркина может служить свежим тому примером. Помимо критики позиции Конституционного Суда РФ, оно содержит оценку внутреннего законодательства, которую Российская Федерация обозначила как вмешательство в суверенитет, что отмечается

⁷ Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. // URL: <http://www.rroi.narod.ru/echr/echr.htm> (дата обращения: 11.01.2018).

⁸ Нешатаева Т. Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // СПС «КонсультантПлюс».

в п. 118 постановления уже Большой палаты по делу «Маркин против России». Однако при изучении постановления становится ясно, что требований (в отличие от пилотных постановлений) оно не содержит. Суд в п. 65 изначально делает оговорку о том, что «теоретически не Суду надлежит определять, какие меры возмещения вреда могут быть уместными для принятия государством-ответчиком в соответствии с его обязательствами по ст. 46 Конвенции. Однако Суд заинтересован в том, чтобы способствовать быстрому и эффективному устранению упущения, обнаруженного в национальной системе защиты прав человека». Пункт 67 содержит лишь указание на источник нарушения и пожелание относительно реформы этого источника.

На наш взгляд, оценка внутреннего закона сама по себе не может расцениваться как нарушение «доктрины усмотрения» государства, поскольку никак не ограничивает его полномочия. Большая палата все же исключила абстрактную оценку из итогового постановления.

Изменение прежней позиции ЕСПЧ (п. 99) в деле Маркина дает основу для размышлений о роли Европейского Суда как инстанции, деятельность которой должна быть направлена не на рассмотрение жалоб-клонов, а на разработку положений Конвенции, редактирование старых правовых позиций, в том числе путем сравнения с законодательством участников Конвенции. Вместе с тем изменение позиции Суда порождает некоторые сложности. Как и прецеденты стран общего права, решения ЕСПЧ развиваются вместе с правоотношениями, которые они регулируют. Как и национальные суды в странах общего права, Европейский Суд сталкивается с ситуацией, когда вновь сформированная норма применяется к ранее существовавшим фактам. Противоречие потребности в стабильности (принцип *stare decisis*) и потребности в своевременном развитии — одна из нерешенных проблем прецедентного права, затрагивающая

и нормотворчество ЕСПЧ. Европейский Суд не учитывает, что акты национальных судов основываются в том числе на его предыдущих правовых позициях. При этом отсутствуют какие-либо критерии, позволяющие предугадать, когда ЕСПЧ «отвергнет» старое решение — об этом может только косвенно свидетельствовать расширение объема конкретного права в законодательстве государств-участников. Применение по прецедентным делам денежных санкций к государству, в точности следовавшему старой правовой позиции Суда, представляется неоправданным. На наш взгляд, государству-участнику следует предоставить возможность избежать взыскания — пересмотрев дело в соответствии с новой позицией или приняв меры общего характера.

Нагрузка по рассмотрению повторяющихся жалоб должна лежать на национальных судах. А. Р. Султанов отмечает⁹, что актами высших судов об обязательности и о прямом действии постановлений ЕСПЧ была устранена прежняя неопределенность национальных законодательных актов. Постановление ВС РФ от 27.06.2013 № 21 разъяснило положения ст. 46 Конвенции, исключило «мягкую» формулировку постановления ВС от 2003 г. и санкционировало возможность ссылаться на постановления ЕСПЧ в судебных решениях (до этого такая практика судов была незначительна и связана с настоятельным проведением стратегии таких правозащитных организаций, как общественное объединение «Сутяжник»). Конституционный Суд РФ, воспринимая прецедентные постановления ЕСПЧ, мог бы способствовать соблюдению публичных интересов общества и интересов частных лиц, вопрос о правах которых не был решен ЕСПЧ.

Поскольку коллизии в решениях двух судов могут происходить по разным основаниям, разрешение их не может быть подчинено одному принципу. Так, в случае конфликта прав человека между собой наилучшим решением будет применение ЕСПЧ принципа «коридора»¹⁰. Его

⁹ Султанов А. Р. К 15-летию юбилею действия для России Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней // Вестник гражданского процесса. 2013. № 4. С. 281—291.

¹⁰ Люббе-Вольф Г. Международная защита прав человека и принцип субсидиарности: аргументы в пользу решения-«коридора» в случае конфликта прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2. С. 67—72.

суть заключается в том, чтобы Суд, определяя минимальные гарантии противопоставленных прав, оставлял свободный промежуток для усмотрения национального суда. Такая модель не расширяет одно право за счет ущемления другого, а в рамках «коридора» соотносит интересы частных лиц с учетом правовых традиций. Так, отказ немедленно передать ребенка на воспитание биологическому отцу в деле Гергюлю учел интересы приемной семьи (и ребенка), вместе с тем разрешение встреч с ребенком позволило соблюсти права отца. Другим примером является дело «Фон Ганновер против Германии (№ 2)». Европейский Суд рассматривал принятые по усмотрению национальных судов Германии критерии, при наличии которых возможно ограничение права на уважение частной жизни. Критерии были сочтены соразмерными, не нарушающими «ядро» права, предусмотренного ст. 8 Конвенции.

В случае установленного конфликта публичных интересов (в интерпретации их Конституционным Судом РФ) и интересов отдельного лица КС РФ не должен изыскивать способы, позволяющие отойти от обязательств по исполнению постановления ЕСПЧ. Сущность ответственности России обязывает доказать разумность и избирательность ограничений — пояснить, почему меры, ограничивающие право конкретного человека, не должны быть устранены, как это имеет место в остальных государствах — участниках Конвенции. Если доводы государства судьи ЕСПЧ найдут произвольными, то ограничение прав должно быть сокращено или вовсе снято. При этом новая мера ограничений, совместимая с положениями Конвенции, определяется государством самостоятельно. Конституционный Суд РФ, имеющий полномочие изменять смысл нормы собственными постановлениями, может не признавать норму внутреннего права неконституционной, если, конечно, она не содержит явно противоположного смысла, а дополнить ее содержание новыми условиями. Способом исполнения постановления ЕСПЧ будет дальнейшее применение нормы с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Основания, в связи с которыми Российская Федерация проводит идею о подчиненности решений ЕСПЧ Конституции РФ и Конституционному Суду РФ, схожи с теми, что приводит в пользу собственного права Соединенное Королевство. Среди них — защита государственного суверенитета, недопущение «захвата» полномочий парламента, интересы национальной безопасности. Ответчиком перед международным органом правосудия является государство, и наделение Европейского Суда юрисдикцией в отношении России также было одним из проявлений его суверенитета. Отечественное исключение коллизий путем пренебрежения позициями ЕСПЧ упрощает идею о взаимодействии государств в целях развития прав человека.

Можно возразить, что правовая определенность, данная Конституцией РФ, нарушается при подходе, когда ее норму можно изменить. Но ЕСПЧ как орган, который решает другие задачи, не заинтересован в подобных конфликтах и не просто указывает на это (подчеркивая собственную субсидиарность), но и принимает меры, направленные на максимальное сокращение разногласий с национальными органами участников Конвенции.

Одной из таких мер можно назвать принятие Протокола № 16 к Конвенции, уже доступного для ратификации. Протокол № 16 предполагает введение процедуры консультативного заключения и позволяет запрашивающему заключение суду принимать решение о том, как и насколько им руководствоваться. В случае ратификации Протокола № 16 российское право получит содержательный источник права, отличающийся даже от правовой позиции Европейского Суда. Правильное применение возможностей Протокола № 16 означает решение вопроса на государственном уровне, без обращения в порядке жалобы к ЕСПЧ, что позволяет снизить количество жалоб и расходы на компенсации по рассмотренным жалобам. Составление консультативного заключения ЕСПЧ возможно с участием как сторон потенциальной жалобы, так и применением опыта другого государства — участника Конвенции. Таким образом, консультативные

¹¹ *Gottwald P. Comparative Civil Procedure // Ritsumeikan Law Review. 2005. № 22. P. 23.*

заклучения ЕСПЧ могут послужить источником права, в том числе опосредующим зарубежный опыт. Как отметил профессор П. Готвальд, «современные кодификации или большие поправки являются результатом сравнительных исследований, даже если законодатель не раскрыл, как и где он нашел свои идеи»¹¹. Кроме того, такие заключения могут разъяснять положения Конвенции, что облегчает ее применение ординарными судами без риска ошибиться в толковании и, опять-таки, без необходимости ждать вынесения решения в адрес России.

Что касается соотношения права на обращение с запросом Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, то Протокол № 16 не предполагает единственного суда, а ограничивается формулировкой *highest* — и допускает усмотрение договаривающейся стороны в вопросе, какой суд является высшим по данному делу: например, если вопрос касается конституционных положений, организовать диалог может сам КС РФ, если касается отраслевого законодательства — коллегия Верховного Суда, к чьему предметному ведению отнесено рассмотрение дел (уголовных, экономических споров, административных и т.д.), или Президиум Верховного Суда¹².

Есть вероятность, что в рамках предусмотренной протоколом процедуры конфликт будет снят до подачи жалобы или будет происходить балансировка противостоящих интересов, выработка консолидированной позиции Суда по существенным ситуациям, касающимся толкования или применения прав и свобод, определенных в Конвенции или Протоколах к ней.

Суд в последнем предложении п. 20 пояснительного отчета к Протоколу № 16 дал разъяснение, что намерен предложить сторонам спорной ситуации принимать участие в процедуре, находящейся на рассмотрении Суда. На наш взгляд, это полномочие фактически является

«досудебным регулированием» для ЕСПЧ — возможность государства-участника и потенциального (или существующего) подателя жалобы выяснить отношение ЕСПЧ к спору и решить его на уровне высшего суда страны. Подтверждает это и то, что консультативное заключение может быть вынесено только по вопросу конкретного дела и не является способом абстрактной проверки законодательства государства-участника.

Предложенный нами вариант решения проблемы примирения конкурирующих позиций Судов в перспективе не является громоздким или излишним, поскольку касается только ситуаций открытого, явного противостояния позиций, несмотря на попытки спорящих сторон прийти к согласию. На наш взгляд, решать исход такого противостояния по вопросам прав и свобод человека должны носители этих прав.

В текущей ситуации для судов создано препятствие в применении постановления ЕСПЧ напрямую. В силу закона, после такого принятия Министерство юстиции вправе обратиться в КС РФ с запросом — исполнять ли решение, которое расходится с толкованием КС РФ. Механизм фактически является фильтром, посредством которого каждое решение ЕСПЧ перед его применением должно проверяться на соответствие практике КС РФ как единственного органа, дающего официальное толкование Конституции РФ. Если предположить, что государственные суды будут применять спорные постановления напрямую, вплоть до принятия решения о неисполнении постановления ЕСПЧ, то вынесенные судами в соответствии с постановлением ЕСПЧ решения автоматически становятся незаконными и подлежат отмене, что способствует правовой неопределенности. Угроза отмены решения способна парализовать прямое применение Конвенции, Протоколов к ней и постановлений ЕСПЧ в качестве источников права.

¹² Protocol No. 16 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms Explanatory Report. Art. 8 // URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Protocol_16_explanatory_report_ENG.pdf (дата обращения: 15.03.2018).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Де Сальвиа М.* Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. // URL: <http://www.rrooi.narod.ru/echr/echr.htm> (дата обращения: 11.01.2018).
2. *Ковлер А. И.* Государственный суверенитет и «суверенитет прав человека» // Труды Института государства и прав РАН. — 2016. — № 2. — С. 81—88.
3. *Кузьмин Э. Л.* О государственном суверенитете в современном мире // СПС «КонсультантПлюс».
4. *Люббе-Вольф Г.* Международная защита прав человека и принцип субсидиарности: аргументы в пользу решения-«коридора» в случае конфликта прав // Сравнительное конституционное обозрение. — 2011. — № 2. — С. 67—72.
5. *Нешатаева Т. Н.* Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // СПС «КонсультантПлюс».
6. *Пастухова Н. Б.* Суверенитет и федеративная организация Российского государства в условиях глобализации: конституционно-правовые аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2010. — 418 с.
7. *Султанов А. Р.* К 15-летию юбилею действия для России Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней // Вестник гражданского процесса. — 2013. — № 4. — С. 281—291.
8. *Gottwald P.* Comparative Civil Procedure // *Ritsumeikan Law Abstract*. — 2005. — № 22. — Pp. 23—35.
9. *Stone-Sweet A.* *Governing with Judges: Constitutional Politics in Europe*. — Oxford University Press, 2002. — 232 p.

Материал поступил в редакцию 22 мая 2018 г.

**APPLICATION BY COURTS OF JUDGMENTS OF THE CONSTITUTIONAL COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS IN ONE CASE**

CHAYKINA Alena Vasilievna, Postgraduate of the Department of Civil and Administrative Legal Proceedings of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
alena@chaykina.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The paper deals with the problem of the application by the courts of the Russian Federation of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights in the same civil case. The problem is caused by the uncertainty of the hierarchy of these sources of law in terms of international and national law. The issue of non-fulfillment of ECtHR judgments was considered from the point of view of the provisions of the Vienna Convention on the Law of Treaties of 1969. The author analyzes foreign practice on the execution of judgments of the ECHR. In particular, the author analyzes the practice of the United Kingdom and the Federal Republic of Germany, having faced with the contradiction of the fundamental norms of the state with the ECtHR judgments.*

The mechanisms to balance the legal positions of these courts have been revealed. The author suggests considering Protocol No. 16 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms as one of the possible means to eliminate the contradictions between the Constitutional Court of the Russian Federation and the ECHR. The procedure of advisory opinions, from the point of view of the author, may make it possible to coordinate the legal positions of the ECHR and the national practice of applying the Rome Convention to the stage of submitting a complaint of Russian citizens to the ECHR.

Keywords: sources of procedural law, civil procedure, legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, ECHR ruling, hierarchy of sources of law, judicial practice, the Rome Convention, the Protocol to the Rome Convention, advisory opinions, execution of ECHR judgments

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *De Sal'via M.* Preседенты Европейского Суда по правам человека. Рукóвóдыашчие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. // URL: <http://www.rpqi.narod.ru/echr/echr.htm> (дата обращения: 11.01.2018).
2. *Kovler A. I.* Государственный суверенитет и «суверенитет прав человека» // Труды Института государства и права РАН. — 2016. — № 2. — С. 81—88.
3. *Kuz'min E. L.* О государственном суверенитете в современном мире // СПС «КонсультантПлюс».
4. *Lyubbe-Vol'f G.* Международная защита прав человека и принцип subsidiarity: аргументы в пользу решения «коридора» в случае конфликта прав // Сравнительное конституционное обозрение. — 2011. — № 2. — С. 67—72.
5. *Neshataeva T. N.* Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // СПС «КонсультантПлюс».
6. *Pastukhova N. B.* Суверенитет и федеративная организация Российского государства в условиях глобализации: конституционно-правовые аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2010. — 418 с.
7. *Sultanov A. R.* К 15-летию действия для России Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней // Вестник гражданского процесса. — 2013. — № 4. — С. 281—291.